

Журавли улетели

Ясным осенним днем, собирал грибы, я бред один по закрайку соснового бора, где еще попадались поздние красноголовые подосиновики, уже отрастающие, но крепкие, как и иногда бываю́т в наших местах на исходе теплого сентября. И хотя берез на закрайке было гораздо меньше, чем сосен, запах палого листа перебивал в свежем воздухе аромат загустевшей смолы. Около пней и вдоль замшелых, полустлелистых валежнн кустики черники синели перезревшими ягодами. Когда я брал их, они сразу лопались в руках и красили пальцы фиолетовым соком. Только редкие гроздья брусники, бордовой по осени, были молото урурги и холодили во рту.

В такую пору в лесу не чувствуешь усталости. Идешь от гриба к грибу и не замечаешь ни времени, ни расстояния. Несколько раз на своем пути я вслугивал кормившихся на ягоднике рыбчиков. Выводок все еще держался кучно. Почти взрослые, уже набравшие перо и силу, птенцы испуганно вспархивали с земли, но далеко не улетали, и один раз мне удалось подонти совсем близко к усевшемуся на березке рябчику. Не усевшии познать мир с его жестокостью и постоянной опасностью для жизни, подстерегающей птицу каждую минуту, он не утратил доверчивости, с любопытством поглядывал в мою сторону, открытый и незащитный. Я долго стоял и наблюдал за ним, чувствуя, что и у меня, немало побитого жизнью, здесь, в лесу, как никогда душа открыта миру, светла и спокойна. И жила в ней тихая радость от встречи с родиной.

Время давно перевалило за полдень, но лес по-прежнему был пронизан умиротворенным светом и пронзительно синело над головой небо. Только гуще сыхались с ветвей листья. Несмолкающий шорох стоял по всему лесу.

Через полчаса сосновый бор остался в стороне. Я пересек низину с руслом высохшего ручья и оказался на широкой поляне с молодым кустарником, старой заброшенной пашне. В бороздах среди пожухлой травы росли маслята, а рядом с ними волнушки, толстые, с мохнатыми завитыми краями. Срезая грибы, я чувствовал, что земля уже потеряла летнее тепло. Все вокруг увядало, отмирало, и только на кустах ольшанника по-прежнему зеленели листья, но и они облетали. В корзине быстро прибывало, она заметно потяжелела. Перевесло поскри-

пывало громче. Однако спе-

шить мне было некуда и, увидев рядом брошенный лесорубами хлыст, я сел на него и закурил.

В это время издалека, из-за седых березовых вершин донеслись до меня непонятные звуки. Они быстро нарастали, раздаваясь все ближе и ближе. И вот уже в наплывающих звуках узнал крик журавлиной стаи.

— Журавушки! — радостно встрепенулся я.

Мой взор обратился туда, откуда должны были появиться над поляной птицы. Волнение охватило меня.

И вот уже рядом раздаются опережающие стаю звуки. Через некоторое время, сначала в просветах между деревьев, потом на чистом, пронзительно синем небе появился журавлиный клин. Распластав по небу крылья, он неторопливо проплыл над лесной поляной. Сердце мое замерло. Необъяснимая грусть подкатила к нему теплой волной. Всего лишь несколько мгновений шумели надо мной усталые крылья, и снова не стало видно птиц, только прощальное «курлы-курлы» разносилось над притихшим лесом, удалялось к югу и таяло в поднебесной высоте. И снова вокруг стало тихо. А я все еще стоял и махал фуражкой вслед журавлиной стае. Отчаянное одиночество овладело мною. Хотелось во всю силу закричать, позвать кого-то того, с кем бы не было в эту минуту мне так одиноко.

Подняв с земли корзину, я забыл и про грибы, и про чудесный осенний день. Быстро зашагал по направлению к деревне, к дому. Хотелось скорее оказаться среди людей.

Через час я был уже в поле. Отсюда открылся обширный вид на родную деревню. Вся она, вытунутая вдоль дороги двумя рядами изб, виднелась как на ладони с ее огородами и черемухами у каждого дома. На холме, немного наотшибе от деревни, белела среди берез полуразрушенная церковь.

В деревне пахло дымом свежей ботвы. Никто не встретился мне на дороге. Только старик Андрей, оставив свою старуху одну в огороде, одиноко сидел на завалинке и искошными пальцами крутил из газеты цигарку. В глазах старика сквозила щемящая грусть, словно только что проводил за ворота родного сына. Он ничего и ничего не замечал вокруг и даже не обратил внимания на мое появление, захлестнутый своими думами. Лишь, когда я громко спросил старика, о чем он так грустит, дед Андрей поднял голову и с болью выдохнул:

Журавли улетели
1964 год